

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

ЗАБИЯКИ

ЕСЛИ ДРУЖИШЬ
С ХРОМЫМ, САМ НАЧИНАЕШЬ
ПРИХРАМЫВАТЬ. (ПЛУТАРХ)

Анатолий Агарков

Забияки

«Издательские решения»

Агарков А.

Забияки / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904680-2

Школа глазами первоклассника. Мальчишки дерутся, дерутся и дерутся... как завещали им. Находят покровителя и жаждут от него избавиться. Попадают в засаду и снежную тюрьму, но неожиданно спасаются. Избавитель учит драться, учиться и дружить. Мальчишки понимают: на улице в одиночку не прожить — сбиваются в ватагу. Играют в войну, рисуют карту, ищут клад... И каждый из них находит своего наставника.

ISBN 978-5-44-904680-2

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Забияки

Анатолий Агарков

Если дружишь с хромым, сам начинаешь прихрамывать.
(Плутарх)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-4680-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Наша маленькая в двадцать дворов улочка отправила тем годом в школу четырёх новобранцев. Первый раз в первый класс пошли трое Толек и один Колька. Расскажу обо всех, а начну с Толяна Калмыкова. Потому что дом его номер один и стоит крайним на улице у самого Займища. Потому что он выше всех в нашем квартете, сильнее, отважнее, благороднее. Последнее утверждение спорно – себя бы поставил на первое место. Но вот пример, и судите сами.

Встречаемся на улице жарким летним полднем.

– Куда, Толян?

– Котят топить. Пошли со мной.

– Что?! Ну-ка покажи.

Он показал. В картонной коробке тыкались слепыми мордочками, топорили голые хвосты четверо котят.

– Топить? Ты что ли фашист?

– Не-а. Мне рупь соседка заплатила.

– А мать за рупь утопишь? За трояк?

– Отстань.

– Слышь, отдай мне их.

– Зачем?

– Выкормлю.

– Без кошки они сдохнут.

– Я из бутылочки через соску.

– Не отдам – мне заплатили.

– А если я тебе, фашисту, морду набью?

Только спрятал коробку за спину и с любопытством посмотрел на меня.

– Набьешь – отдам.

Желание драться с Калмыком отсутствовало напрочь.

– Ты вот что... Ты больше ко мне не приходи, и я с тобой больше не вожусь – таких друзей в гробу видал.

Мы разошлись в разные стороны.

Я не сдержал слово. Как-то сам собой забылся инцидент, а долго дуться на Толяна невозможно – слишком интересно было с ним. Прошёл, наверное, месяц. Приходит Калмык с известной уже коробкой, а в ней все четыре весёлых пушистых котёнка, вполне самостоятельных.

– Те?

– Те. Я их выкормил из соски, теперь твоя очередь заботиться – найдёшь им хозяев.

– Врёшь – поди, кошку у соседки кормил, а она их.

– Держи, Айболит, – он сунул мне коробку в руки и удалился с независимым видом.

Знаете, как я его после этого зауважал – просто кумиром стал моим, примером для подражания. Звал Толяном, а вообще-то кличек у него было предостаточно. Калмык, Калмычок – это понятно. Сивым его звал старший брат Бориска. Волосы у моего друга были белее известки, как у ветерана-фронтовика. Дрались братовья не часто, но жестоко. Разница в три года давало старшему Калмыку преимущества в росте, силе, инициативе. Но Толян был упёртым – он поднимался и снова шёл в бой, вытирал кровь и продолжал наседать. В конце концов, избитый до полусмерти (наверное, лишка загнул), Толян терял терпение и облик поединщика: ударившись в рёв и слёзы, хватал, что под руку подворачивалось – нож, дубину, топор. Борька позорным бегством покидал усадьбу – благо ноги длинные, а вот характер слабый. Только нико-

гда не пользовался плодами своих побед, чтобы подчинить себе старшего брата – исправно слушался его до следующего конфликта.

Ещё его звали Рыбаком – страсть эта фамильная. Дед, работающий пенсионер, мастрячил внукам какие-то замысловатые капканы, силки, вентера. Однажды сделал арбалет с луком из стального прутка и такими же стрелами. Толька пошёл с ним на болото, растерял все стрелы, кроме одной, которой подстрелил утку. Рыбалкой и охотой увлекался у них отец – Борис Борисович Калмыков. Только любил он эти промыслы не за азарт добытчика, не за результаты, а за возлияния у костра. Короче, алкаш был, и всё тут. Любил комфорт не только в доме, где за чистотой и уютом следили наперегонки жена и тёща, но и в полевых условиях. Сейчас поясню, в чём это выжалось.

У Борис Борисыча если лодка, то обязательно резиновая, из магазина. Такие же палатка, сапоги, гидрокостюм, удочки, сети и даже патроны. Хотя для набивки последних у него был полный набор приспособлений – калибровка, капсюлевыбивалка и вбивалка, дозатор для пороха, пыжерубка. Он мог дробь изготавливать в домашних условиях – были литейка, протяжка, дроберубка и дробекаталка. Но Борис Борисович предпочитал без хлопот приобретать в охотничьем магазине «Зорька» заряженные папковые патроны.

Отец мой за это его недолюбливал и даже презирал, во всяком случае, чурался. Зато обожали окрестные охотники. Дважды в год шумно было у него во дворе от людского наплыва. Мужики тащили свинец во всяких формах его существования, ну а мы, пацаны, довольно уже сноровато лили свинцовую проволоку, протягивали её через калибровку, рубили, катали цилиндрики в шарики, вращая тяжеленную крышку чугунной дробекаталки. Час-другой и готовы килограммов пять прокатанной в графите дроби. Мужики угощали хозяина спиртным, нас – охотничьими байками. Весело было всем.

Борис Борисыч не брал сынов на промысел. Однако эта страсть у них была в крови.

Потеряв последнюю стальную стрелу, Толян забросил на чердак арбалет. А утки, будто прознав об этом, вышли на берег, стали купаться в песке, хлопать крыльями и беспечно кричать. Такого нахальства от пугливых пернатых Рыбак уже стерпеть не мог. Стащил у отца двустволку, из которой прежде никогда не стрелял. В соучастники пригласил нас с Колькой Жвакиным, пообещав поделиться добычей. Кока встал на четвереньки – подставкой под тяжеленное ружьё. Я упёрся в Рыбакову спину, чтоб отдача – по словам мужиков, не малая – не швырнула юного охотника «к чёртовой матери».

По неопытности иль азарта охотничьего, а может от лютой ненависти к наглým лысухам Толян сдуpletел из ружья. Как мы ни готовились, выстрелы прозвучали громом небесным. Дробь вспенила воду далеко за береговой чертой. Утки всполошились и врассыпную – кто на крыло, кто бегом до камышей. Я видел, а Колька нет. Он вскрикнул, зажал ладошками уши, потом и затылок, на который обрушилось оброненное Рыбаком ружьё. Жвака драпанул домой. Следом Толян – отдача отбила ему плечо. Остался я один с брошенным ружьём и ничуть не пострадавший. А потом и утки вернулись на берег, посмеяться да покричать над горе-охотниками.

Удивил меня Толян своим бегством, а вот Колька ни сколько. Фамилия у него была Жвакин, а кличек – хоть пруд пруди. Впрочем, чего там – улице ли фантазий заниматься? Ноги у него были самой сильной стороной, не потому, что быстро бегал – хотя и этого у него не отнять – просто привык все проблемы копытами решать. Чуть небо омрачилось, Кока ноги в руки и домой. Хауз для него и двух его старших братьев был крепостью, которую в отсутствии родителей не раз пыталась взять штурмом уличная пацанва.

Они стояли друг друга, братья Жвакины. Никогда не бились за свой авторитет, не дорожили им: главное – добежать до дома. А уж оттуда, из-за высокого забора и крепких ворот, ругай, кого хочешь и как хочешь, швыряйся камнями, зелёными грушами и яблоками. Груши

на нашей улице редкость, а эти поганцы настаивали их в моче и кидали в толпу. Кока сам однажды признался, а потом бросился бежать, и понятно почему.

У Кольки были белые волосы, даже белее чем у Калмыка. Сивым его звали братовья, а мы – никогда, уважая Сивого-Рыбака. У него был румянец от уха до уха и белое тело, которое совершенно не поддавалось загару. Это было странным.

– Ты альбинос какой-то, – заметил однажды я.

– Альбинос, альбинос! – стали дразниться мальчишки.

Но призадумались, когда узнали, что альбиносами зовут неполосатых тигров. Сравнить Коку Жвачковского даже с неполосатым тигром – курам на смех. И не прижилось.

Третьим в нашей компании был Толька Рыженков – парнишка с пшеничным чубчиком, лёгкой косинкой в глазах, влюбчивый до неприличия. Когда нас приняли в октябрята и дали значки с маленьким Лениным, Рыжен заявил:

– Я теперь таким же буду.

Думаете, он стал отлично учиться, слушаться родителей и учителей? И в мыслях не было – он стащил бигуди у старшей сестры и завил чубчик.

– Похож? – продемонстрировал нам.

– С Володей Ульяновым? Одно лицо, – согласились мы.

Эта страсть у Рыжена скоро прошла и появилась другая. Девочку звали Люба Коваленко – пухленькая, румяная хохлушка-хохотушка. Я бы тоже в неё влюбился, если бы не... Она училась в нашем классе, но жила в другом районе посёлка. Мальчишки там обитали злые, коварные – большие любители подраться, был бы повод. Люба – это повод. Я это понимал и даже не оглядывался в её сторону – не по Сеньке шапка. А Рыжен так не думал и, влюбившись, пошёл провожать.

Догнал он нас на самом Бугре. Мимо бы пробежал, не заметил – так его шуганули. Нос расквашен, фингал под глазом, в ранце снег вместо тетрадок. Урок да не впрок. На следующий день, зачарованный сияющими глазками и ямочками на щёчках, он взял её портфель и вновь пошёл на Голгофу. И казнь косоглазого «Христа» повторилась. И повторялась изо дня в день. Любочке что, ей весело, и перед девчонками форсит – вон как мальчишки-то из-за меня. А Рыжена били, с каждым днём всё ожесточённое.

Скажите, вот он рыцарь-романтик, настоящий герой – так страдать из-за дамы сердца. Но погодите с выводами, лучше дослушайте рассказ до конца.

Герой-романтик звал нас в телохранители, не поверите – даже зарплату обещал. Но лезть в такое пекло за пончик стоимостью четыре копейки никто не хотел. Жалко было товарища, но так били-то его не за сходство с маленьким Лениным – с девочкой из другого района хотел дружить, а это не поощрялось.

Однажды всё переменялось.

2

Чтобы покинуть школу через парадный выход, надо было пройти два маленьких коридорчика. К чему такая анфилада дверей? А кто знает – строителям было видней.

Я шёл первым и как всегда беззаботно балаболит о чём-то. Крепкая затрещина опрокинула меня в угол второго коридорчика. Успел только заметить, что бил Рыжен. И в то же мгновение град ранцев и портфелей обрушился на мою недоумевающую голову. Ботинки, валенки и сапоги вонзались в моё скрюченное тело, торопясь и мешая друг другу.

Кока шёл вторым, мгновенно оценил опасность и метнулся назад. Успел бы и Рыбак убежать, но он остался и бился в дверях один против своры одноклассников, не иначе как белены объевшихся. Впрочем, помочь мне он не сумел – вышибли его из дверного прохода, как пробку из горла бутылки.

Спас меня Илюха Иванистов. Был в нашем классе такой мальчик, жил с Любочкой на одной улице, но с тамошними ребятами не якшался – мнил себя независимым и бесстрашным. Впрочем, второе обеспечивал старший его брат Юрка Иванистов, которого, по слухам, даже милиция боялась. Был он бандитом (может хулиганом?), ходил с ножом и жестоко избивал младшего брата за любую провинность. Но попробовал бы кто посторонний тронуть Илюху – всё, кранты: возмездие наступало незамедлительно и было жестоким, даже изощрённым. Однажды он построил наш класс, достал нож и аккуратно отрезал все пуговицы, даже с ширинок брюк – положил их в карманы владельцев, пообещав в следующий раз выпустить кишки наружу. Ему верили, его боялись. Поэтому никто не хотел связываться с младшим Иванистовым. Илюха этим пользовался, бесстрашно влезал в любую заваруху, чтобы доказать свою независимость. Встрял и теперь. Продрался сквозь терзавшую меня толпу, встал над поверженным телом, и замельтешил кулаками, разбрызгивая по стенам разноцветные сопля – от зелёных до красных. Враги мои отпрянули. Выскочили из коридорчика и сгруппировались в школьном дворе. Илюха помог подняться, отряхнул от мусора.

– За что они вас?

– Не знаю. Рыжен, наверное, натравил.

Мы выглянули за дверь. Толпа одноклассников, числом не менее пятнадцати человек, томились ожиданием. Рыжен среди них за своего – руками машет, на окна указывает. Положение было фиговым. Илюха похлопал меня по плечу – держись, братан! – и смело пошёл на переговоры.

Я вернулся в школу, и с друзьями по несчастью, поднявшись на второй этаж, осмотрели двор. Увиденное не радовало. Взбесившиеся одноклассники стояли воинственной ратью, жаждали крови. Илюха томился в сторонке в гордом одиночестве. Впрочем, зная его настрой, не трудно было догадаться, что мирный исход – это не совсем то, что его устраивало. Надежды на него не было никакой. Нужно что-то делать и рассчитывать только на себя – жаловаться, кому бы то ни было, а уж учителям точно, не в школьных правилах.

Выход я предложил такой – выпрыгнуть в окно первого этажа, пока враги не оцепили школу по периметру, и драпать до дому без оглядки. План Рыбаку понравился, а про Коку что говорить – ему бы только «костыли» размотать, а там уж его ни одна собака не догонит.

Дверь класса, окна которого выходили в школьный сад, была распахнута – там гремела ведром техничка. Мы вошли.

– Давайте парты поможем перевернуть.

– Вот молодцы. Вот тимуровцы, – обрадовалась женщина.

Мы с Рыбаком за парты, а Кока шмыг к окну. Дёрнул шпингалеты и – вот она свобода!

– Ах, природы! Ах, поганцы! Вот я вас шваброй.

Рыбак был уже на подоконнике, и швабра пришлась по мне. Впрочем, я вовремя подпрыгнул, и сырая тряпка на палке угодила в ведро. Оно опрокинулось, вода хлынула на пол. Совсем не женская ругань стеганула мою спину, но всё это было уже не важно. Потому что, взлетев на подоконник, я сиганул в распахнутое окно. Потому что, скрывшийся с глаз Кока, вдруг «вырулил» из-за школьного угла, таща за спиной свору улюлюкающих одноклассников.

– Бей! Ату их! Ату!

Мы бросились в сад, перемахнули высокий забор и поняли, что недооценили соперников. С обеих сторон улицы спешили к нам мальчишки, и не с пряниками в руках. Назад путь тоже отрезан. Мы кинулись в восьмилетку напротив – двухэтажное деревянное строение, с учениками которой перекидывались снежками на переменах.

Когда я вбежал в её двор, Кока уже хлопнул входной дверью. Впереди маячила спина Рыбака, а сзади настигало сиплое дыхание Рыжена. Не знаю, откуда у него взялась эта прыть, но летел он как ветер, вскоре догнал и поставил подножку. Рухнул я, а Рыжен, оседлав, принялся мутузить.

– Ага, попался!

Если б он не орал так истошно, мне бы опять здорово досталось. Но его вопли остановили Рыбака – он вернулся и сумкой так шандарахнул предателя, что тот кубарем покатился прочь. Толян помог мне подняться, и мы бросились бежать – захлопнули дверь перед самым носом настигавших преследователей.

Теперь оставалось только ждать и слоняться по коридорам – то пустым и гулким, то взрывающимся гулом голосов и топотом ног после звонка. Уже потемну в компании моей старшей сестры и её подруг беспрепятственно вернулись домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.